

Иран: новые конфликтные сопряжения

Андрей Бакланов, Заместитель председателя Ассоциации российских дипломатов, посол РФ в Саудовской Аравии (2000-2005 гг.), профессор - руководитель секции исследований стран Ближнего Востока и Северной Африки НИУ ВШЭ

Сигналы от администрации Дж.Байдена о готовности рассмотреть вопрос о заключении с Тегераном новой международной сделки по ядерному досье породили определенные надежды на разблокирование ситуации вокруг Ирана. Позитивные прогнозы высказывались и в самом Иране.

Это совпало по времени с инициативой России о возобновлении контактов с целью формирования в зоне Персидского залива системы региональной безопасности. Москва исходит из необходимости преодоления нынешней, крайне напряженной ситуации в этом, очень чувствительном для поддержания нормальных торгово-экономических связей районе мира.

На расположенные в зоне Персидского залива страны приходится более трети добычи и более 60% мировых запасов нефти, через Ормузский пролив проходит одна пятая часть мирового экспорта нефти. Эти государства обладают огромными ресурсами для инвестиций - порядка 1,8 трлн. долларов.

Однако нужно признать, инерция конфронтационного мышления пока все еще во многом предопределяет развитие событий в этом регионе. Контакты в отношении восстановления в полном формате ядерной сделки с Ираном никаких реальных результатов еще не дали, а уже появляются весьма тревожные сообщения о новых серьезных претензиях ряда стран к Тегерану.

Выступая 28 июля 2021 года на авторитетном международном симпозиуме по тематике будущего региона Ближнего и Среднего Востока, влиятельный саудовский политик, бывший многолетний руководитель Службы общей разведки, экс-посол КСА в США и Великобритании Турки аль-Фейсал в жестких выражениях обвинил Тегеран в намерении использовать для расширения своего влияния политический вакуум, который возникнет в результате вывода войск США из Ирака и Афганистана. Он пояснил, что имеет в виду запланированное Тегераном более масштабное присутствие в этих странах военизированных структур - «Аль-Хашд аш-Шааби» и др. группировок.

В последние недели, сказал саудовский политик, поступают данные о расширении масштабов деятельности этой организации в Ираке и на территории Афганистана.

По мнению Турки аль-Фейсала, все это свидетельствует о стремлении Ирана и далее идти по пути наращивания своего присутствия в других странах, что делает практически невозможным создание системы региональной безопасности на территориях, где в той или иной форме имеются структуры, управляемые из Тегерана.

Надо признать, что «Аль-Хашд аш-Шааби», руководство которого тесно связано с Ираном, играл важную роль в противостоянии с ИГИЛ на территории Ирака. Эта организация решительно выступала против присутствия на территории страны американских войск, декларировала свою жесткую негативную линию в отношении Израиля. Примечательно, что в январе 2020 года в аэропорту Багдада

одновременно с уничтожением одного из наиболее авторитетных руководителей Стражей исламской революции Касема Сулеймани американцами был убит Махди аль-Мухандис, который возглавлял «Аль-Хашд аш-Шаабии».

Политические деятели Саудовской Аравии и других стран - членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) связывают «усиление экспансионизма» Тегерана с избранием Президентом Ирана Ибрагима Раиси, которого они характеризуют как представителя лагеря консерваторов, настроенных на широкое использование шиитских группировок, военизированных формирований, - теперь уже не только в Ливане, Сирии, Йемене, но и в других странах.

Таким образом, прогнозируется дальнейшее обострение отношений между Ираном и его арабскими соседями.

Мы дорожим высоким уровнем отношений и с Ираном, и с его арабскими оппонентами. Втягивание России в любой форме в противостояние региональных держав - не в наших интересах. Уже сегодня «иранский фактор» неизменно возникает при контактах российских представителей с Саудовской Аравией, которая является для нас важнейшим партнером с точки зрения обеспечения стабильности и прогнозируемости ситуации на рынках нефти, поддержания динамики деятельности группы «ОПЕК+», от чего напрямую зависят «нефтяные» поступления в российский бюджет. Естественно, дальнейший «разогрев» иранской темы, деградация ситуации в сфере безопасности Персидского залива - не в интересах Российской Федерации.

В данном контексте важно объективно разобраться в первопричине такой ситуации - действительно ли Иран по своей инициативе «идет в наступление», добивается доминирования в регионе, или он, находясь в санкционной изоляции, борется за выживание, используя при этом имеющиеся у него в общем-то достаточно ограниченные возможности. Похоже, что имеет место и то и другое, но в целом, как представляется, превалирует вторая опция - Иран защищается.

Мои личные впечатления от посещения Ирана, участия в переговорах с руководителями этой страны, представителями общественности, религиозных кругов, в том числе в священном для шиитов городе Кум, приводят к выводу о том, что «гегемонистские» амбиции Тегерана значительно преувеличены. Здесь нужно принимать во внимание ограниченность потенциала Ирана, в том числе военного.

Проиллюстрируем это составленной нами на основе сопоставления данных различных источников диаграммой, позволяющей наглядно сравнить военный потенциал Ирана и других стран региона Ближнего и Среднего Востока (в условных единицах потенциал Израиля принят за 100).

Сравнение потенциала вооруженных сил стран Ближнего Востока

Приведенные данные свидетельствуют о том, что военный потенциал Ирана выглядит довольно внушительно, однако он недостаточен для того, чтобы претендовать в военном отношении на какое-либо «доминирование» в регионе.

Вместе с тем очевидно и другое - попытки решения иранского досье военным путем могут, с учетом решительного настроения военно-политического руководства ИРИ, привести к тяжелым негативным последствиям для агрессора. Поэтому вряд ли нужно экспериментировать.

Что касается использования Ираном находящихся под его контролем шиитских политических и военизированных структур, то правдой является то, что лет 15-20 назад Иран активно взаимодействовал главным образом только с шиитскими группировками в Ливане. Сегодня география такой помощи и взаимодействия несколько расширилась - Сирия, Ирак, Йемен. Запад и ряд региональных государств трактуют это как доказательство «начала экспансии» Тегерана в регионе. Так ли это?

Здесь в каждом отдельном случае нужно разбираться, в силу каких обстоятельств произошло наращивание «иранского присутствия». Посмотрим на конкретных примерах.

В Сирии значимые по своим размерам вооруженные шиитские формирования, поддерживаемые Ираном, появились только после соответствующего обращения Правительства САР в ситуации, когда эта страна подверглась масштабной агрессии международных террористических организаций и было создано «Исламское государство». Военная помощь Ирана оказывалась параллельно с акцией в Сирии ВКС России, которая также была принята в контексте оказания САР помощи в отпоре международному терроризму, «Исламскому государству».

В Ираке проблема противостояния между шиитами и суннитами приняла масштабный характер после военного вторжения США и западной коалиции.

В Йемене первоначально инциденты с участием хуситов на границе с Саудовской Аравией носили достаточно редкий характер и о каком-либо «вмешательстве» Ирана вряд ли можно было бы говорить.

Ситуация радикально изменилась после начала прямой масштабной военной вовлеченности в события Саудовской Аравии. Хуситы, подвергшиеся ударам с воздуха, стали настойчиво просить Тегеран оказать им различные формы помощи и поддержки для «отпора вооруженной агрессии Саудовской Аравии».

В целом получается схема умелого провоцирования, все более масштабного «втягивания» Ирана в события.

Что касается намерений Тегерана, то его сегодня прежде всего интересует другое - снятие санкций, выправление экономического положения, улучшение социальной ситуации, возвращение в нормальное русло его связей с соседями по региону, со странами Запада, прежде всего традиционными торговыми партнерами - государствами ЕС. Воздвигать дополнительные препятствия на пути нормализации своих международных связей ради региональной «гегемонии» - не в интересах Тегерана. Здесь следует брать во внимание и фактор усталости населения от затяжной «полуизоляции» Ирана. В стране идет разогрев обстановки, активизируются силы, которые фактически выступают за капитуляцию перед Западом в целях восстановления внешних связей по всем азимутам и возвращения к нормальной жизни.

В этих условиях просматривается вариант взаимного снятия озабоченностей Западом и Ираном. По-видимому, может могла бы быть выработана своего рода «Дорожная карта» движения по этому пути. Главная стартовая предпосылка - возобновление Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы, в том числе в части, касающейся снятия антииранских санкций. В контексте прогресса по этому направлению можно было бы разработать взаимоприемлемые меры доверия, также касающиеся модальностей (регламентирующего, ограничивающего характера) поддержки официальным Тегераном шиитских военизированных структур на территории других стран. Движение по этому направлению могло бы снизить градус напряженности вокруг ядерного досье Ирана.

Но сегодня противники Ирана проявляют интерес к другому вопросу, который может стать столь же сложным и долговременным раздражителем в отношениях с Тегераном - «ракетному досье». Так, 25 июля 2021 года генеральный секретарь Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) Наиф Фалах Аль Хаджаф, комментируя ход непрямых переговоров о возобновлении действия соглашения по ядерному досье, заявил, что переговоры в Вене о возвращении Ирана и США к Совместному всеобъемлющему плану действий «не должны ограничиваться рамками ядерной сделки». По мнению генерального секретаря ССАГПЗ, переговоры должны включать обсуждение иранской программы по созданию баллистических ракет.

Тема ракетных технологий Ирана в принципе не нова, но, судя по всему, она может быть сейчас выдвинута в качестве нового стержневого направления «воздействия» на Иран.

К этой теме по нарастающей подключаются и США. В израильской прессе, по-видимому, готовят специальное «ракетное досье» для предъявления Тегерану в качестве «доказательства» агрессивной сущности иранского режима.

Относительно ракетных технологий никаких международных ограничений обязательного характера пока выработано не было. Существующий уже много лет режим контроля за ракетными технологиями носит добровольный характер. Причем работа по этому вопросу практически приостановлена, прежде всего вследствие напряженных отношений между ведущими военными державами Запада и РФ.

Для Ирана это очень болезненная тема. Надо признать, что Тегеран действительно в плане укрепления своего потенциала сдерживания особую ставку делал на ракетные технологии, производство собственных ракет малого и среднего и большего радиуса действия. Иранцы исходили из того, что и без ядерных боеголовок точечные удары ракет могут привести к тяжелым последствиям, например блокированию поставок воды в случае уничтожения опреснительных предприятий в странах, которые окажутся в стане врагов иранского режима.

По заслуживающим доверия данным, опубликованным недавно российским военным экспертом А.А.Храмчихиным (НВО, 24.06.2021) уже в 1980-х годах Иран наладил производство жидкостных баллистических ракет семейства «Шехаб». Первая модификация этих ракет имела дальность полета до 350 км, сегодня более современный «Шехаб-3» может достигать цели на расстоянии уже 1-2 тыс. км. Другая ракета - «Киам-1» имеет дальность около 800 км. Эти ракеты применялись

для нанесения ударов по объектам «Исламского халифата» и по базе ВВС США в Ираке. На основе «Шехаб-3» разработана ракета «Гадр-110» дальностью действия до 2 тыс. км, двухступенчатая, вторая ступень твердотопливная. В XXI веке создано семейство твердотопливных БРСД «Саджил». Модификация «Саджил-1» имеет дальность до 2 тыс. км, «Саджил-2» (она же «Ашура») - до 2,5 тыс. км, масса БЧ от 500 кг до 1 т. Иран также начал разработку крылатых ракет и большой номенклатуры беспилотников, в том числе ударных (НВО, 24.06 2021).

Режим контроля за ракетными технологиями (РКРТ), который начал формироваться в 1987 году по инициативе стран «G7», пока не получил статуса сколь-либо обязывающего международно-правового документа, однако это обстоятельство вряд ли может остановить противников Ирана.

В этих условиях переключение внимания на ракетный потенциал Ирана может на долгие годы затянуть вопрос о снятии антииранских санкций и возвращении Тегерана в сообщество региональных стран.

Обсуждение этого вопроса может натолкнуться на противодействие Тегерана, рассчитывающего принять активное участие в мирной «космической гонке», для которой, естественно, понадобятся современные ракетные средства.

В случае «раскрутки» Западом и региональными противниками Ирана тематики ракетных вооружений можно было бы в качестве альтернативы новому, теперь уже «ракетному» разлому региона выдвинуть предложения по выработке своего рода «свода поведения» в сфере ракетных технологий, важнейшей частью которого могло быть создание всеобъемлющих ограничений на разработку и производство ракет средней и большей дальности и создания международной системы проверок в ракетной области, аналогичной той, которая существует в МАГАТЭ в отношении объектов ядерной инфраструктуры.

В настоящее время начинается работа по проведению в Москве второй международной встречи экспертов высокого уровня по проблематике региональной безопасности в зоне Персидского залива. Первая такого рода встреча прошла в столице РФ в сентябре 2019 года. Естественно, тематика Ирана будет в центре внимания такой встречи.

Конечно, важно было бы использовать те наработки, которые уже имеются у политиков и специалистов по данной тематике. В частности, стоило бы вновь проанализировать предложения («Ормузская инициатива»), которые были депонированы Ираном в 2019 году в ООН в виде официального предложения по тематике создания в акваториях Ормузского пролива и на территориях, прилегающей к нему, зоны пониженного военного противостояния.

Этот план предусматривал, в частности, следующие компоненты: проведение совещаний на уровне экспертов, старших должностных лиц, министров и глав государств для определения подходов к решению общерегиональных задач, таких как обеспечение энергетической безопасности и свободы судоходства для всех; контроль над вооружениями и принятие мер в целях укрепления доверия и обеспечения безопасности; содействие нераспространению и созданию зоны, свободной от оружия массового уничтожения; установление военных связей и обмен данными и информацией; предотвращение и урегулирование региональных конфликтов. Все это должно подвести стороны к заключению пакта Ормузского

сообщества о ненападении, созданию совместных целевых групп для рассмотрения практических мер, которые позволили бы постепенно укрепить доверие и расширить сотрудничество.

Предложения Ирана идут в том же направлении, что и российские. Различие заключается в том, что иранские предложения относятся к более узкому составу региональных государств (зона Ормузского пролива), в то время как российское предложение 2019 года адресовано всем государствам Персидского залива и ряду других внерегиональных стран, чье участие в системе безопасности может быть полезным фактором.

Как представляется, сегодня важно было бы самым внимательным образом следить за развитием событий в зоне Персидского залива, в упреждающем плане предотвращать появление новых дестабилизирующих факторов, «идей» провокационного характера.

В практическом плане необходимо в контактах с региональными странами и внерегиональными державами подчеркивать необходимость отказа от действий дестабилизирующего характера, а также выдвижения в публичном пространстве обвинений, которые могут спровоцировать осложнение обстановки в зоне Персидского залива, в регионе Ближнего Востока в целом.